

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-225-243

УДК 323.1

ОТКРЫТОЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ

Алексеев Д.В.

Статья посвящена актуальной в современных условиях глобализации проблеме интеграции культурных и этнических меньшинств в европейское общество. Кризис политики мультикультурализма, отмечавшийся ведущими европейскими политиками и социологами еще с 2011 г., вызывает потребность в теоретическом осмыслении причин явления, равно как и поднимает вопрос об адекватности даваемых ранее оценок мультикультурализма.

Цель – проанализировать происхождение и ключевые положения плюрализма и мультикультурализма на основе работ современных западных политологов и философов, в частности, Джованни Сартори – итальянского и американского политолога и философа, одного из крупнейших критиков мультикультурализма.

Метод и методология проведения работы. Автор использует сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования раскрываются причины провала политики мультикультурализма, вызывающей расчленение общества на закрытые группы и ставящие под угрозу национальную идентичность. В качестве альтернативы выдвигается идея построения открытого плюралистического общества,

основанного на согласованности и сбалансированности разногласий и различий, но не подразумевающего ассимиляции.

Область применения результатов. *Материалы данного исследования могут быть использованы при разработке методов решения политических проблем, в частности сохранения идентичности национального государства, вызванных ростом потока нелегальной иммиграции в Европе, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением современных тенденций глобализации и интеграции.*

Ключевые слова: *плюрализм; толерантность; открытое общество; интеграция; мультикультурализм; дифференцированное гражданство.*

OPEN PLURALISTIC SOCIETY AS ALTERNATIVE TO MULTICULTURALISM

Alekseev D. V.

The article is devoted to the topical in the modern globalization context problem of integration of cultural and ethnic minorities in European society. The crisis of the policy of multiculturalism noted by leading European politicians and sociologists as early as 2011, creating the need for a theoretical understanding of the causes of the phenomenon and the adequacy of earlier estimates of multiculturalism.

Purpose – *to analyze the origin and key provisions of pluralism and multiculturalism based on the works of contemporary Western political scientists and philosophers, in particular Giovanni Sartori, Italian and American political scientist and philosopher, one of the largest critic of multiculturalism.*

Methodology. *The basic of research is the comparative historical and problem-chronological methods.*

Results. *During the course of the study are revealed the reasons for the failure of multiculturalism, which ghettoises and closes off identities results in open society breakes down and subdivides into closed communities, endangering national identity. As an alternative it is suggested*

the idea of an open pluralistic society, which seeks to reduce and harmonizes differences, but without the goal of assimilation.

Practical implications. *The results of the study can be applied to develop methods to solve political problems, in particular the preservation of national identity, caused by the growth of the illegal immigration flows in Europe, and in further research work related to the study of contemporary trends in globalization and integration.*

Keywords: *pluralism; open society; tolerance; integration; multiculturalism; differentiated citizenship.*

Миграционный кризис в Европе еще более обострил проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия. Если тридцать лет назад мультикультурализм рассматривался как способ решения социальных проблем и средство борьбы с сепаратизмом, то сегодня растет число людей, связывающих с ним нарастающие проблемы в обществе. Критики мультикультурализма полагают, что Европа приняла слишком много иммигрантов, не требуя от них интеграции, что привело к разрушению социального единства, подрыву национальной идентичности и резкому снижению общественного доверия. Кульминацией сложившихся противоречий стали события 2015 г., когда поток иммигрантов в Европу превысил 1 млн человек, не смотря на то, что еще в 2011 г. лидеры нескольких европейских стран – Германии, Великобритании, Франции, Испании и Нидерландов – а также генеральный секретарь Совета Европы Турнбьёрн Ягланд заявляли о крахе мультикультурализма в Европе. Обострение противоречий в обществе способствовало успехам крайне правых партий и политиков-популистов по всей Европе – от «Партии свободы» в Нидерландах до Национального фронта во Франции [2], призывающих отменить политику мультикультурализма и вернуться к идее поддержки титульной нации государства и ограничения прав иммигрантов.

Для того, чтобы осознать смысл и оценить последствия происходящих событий и выработать адекватное решение, необходимо понимать суть концепции мультикультурализма. Мультикультурализм возник как проект политики содействия культурному плюра-

лизму, сущностью которой является противопоставление групповых (расовых, этнических, религиозных, культурных) ценностей ценностям общенациональным. Основная проблема, стоящая перед мультикультурализмом, – это объединение концепции справедливости и приоритета прав человека, на которых строится гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств.

Джованни Сартори, итальянский и американский политолог, философ и социолог, противопоставлявший идеи открытого плюралистического общества и мультикультурализма, в своей работе «Плюрализм, мультикультурализм и иностранцы» писал: «мультикультурализм означает расчленение плюралистического общества на замкнутые подгруппы и, в конечном счете, ставит под угрозу политическую модель и идентичность Европы» [10, с. 127]. Его книга, хотя и не опубликованная на английском языке, вызвала ожесточенные дискуссии и критику политики мультикультурализма в Италии и Испании, где была издана в начале 2000-х гг. [5].

Противопоставление закрытого и открытого общества было впервые сделано Карлом Поппером в 1945 г. в работе «Открытое общество и его враги» [4], в которой был сформулирован вопрос: если общество не является закрытым, то до какой степени открытое общество должно быть «открытым» без угрозы разрушения как общества, без паразитирования и потрясений?

Сартори, подчеркивая, что плюралистическое общество – это открытое общество, не только анализирует его проблемы, связанные с возрастающим потоком иностранцев с иной культурой, религией и отличных этнически, но и ставит вопрос о способах их интеграции. Чтобы ответить на него, Сартори использовал концепцию плюрализма, объясняющую систему ценностей и механизмы, исторически сформировавшие свободное открытое либеральное общество [10, с. 12].

Плюрализм и свободное общество

Исторически идея плюрализма была связана с рождением концепции толерантности и ее постепенного принятия в XVII в. во

время религиозных войн. Толерантность не является и не предполагает безразличия. Проявлять толерантность – это иметь собственные убеждения и принципы, которые считаются правильными, и вместе с тем допускать, что другие имеют право придерживаться иных убеждений. При этом терпение не является и не может быть неограниченным. «Толерантность всегда находится в напряжении и никогда не бывает полной. Если для человека что-то важно, то он будет пытаться защищать свои ценности, но не будет делать это любой ценой» [8, с. 296–301]. Степень «эластичности» толерантности определяется на основании принципов «отсутствие вреда», т. е. мы не обязаны терпеть поведение, которое наносит нам ущерб или вред, и обоюдности – будучи терпимыми к другим, мы надеемся что они, в свою очередь, будут терпимы к нам [10, с. 32].

Очевидно, что толерантность и плюрализм являются разными понятиями, но они неразрывно связаны между собой, поскольку плюрализм предполагает терпимость, утверждая, что разнообразие и разногласия – это ценности, которые обогащают личность и ее политическое окружение.

Когда понятие «плюрализм» было сформулировано, и позднее, в XX в. (Д. Коул и Г. Ласки), включено в политический словарь, то за основу его концепции была взята теория корпоративного права, разработанная О. Гирке. Отправной точкой теории плюралистической демократии является положение о том, что государство будет демократическим лишь при наличии множества организаций, автономных групп, участвующих в осуществлении власти. Возникновение идей политического плюрализма связано с усложнением социальной структуры, появлением многопартийности.

В американской политологической версии плюрализм ассоциируется с американским социологом и политологом Артуром Бентли, в работе которого «Процесс управления» («Process of Government») 1908 г. была предложена теория групп интересов [1].

Полемизуя с американскими политиками, Сартори утверждает, что плюрализм не сводится лишь к групповым интересам, и предлагает рассматривать его на нескольких уровнях анализа – как

систему взглядов, как социальный плюрализм и как политический плюрализм [10, с. 28].

На уровне системы взглядов можно говорить о плюралистической культуре как о секуляризованной культуре. Рассматривая социальный плюрализм, Сартори подчеркивает, что не следует путать его с социальной дифференциацией. Плюрализм не является единственным и простым эквивалентом понятия «структурная сложность» – это особый тип социальной структуры.

В политике термин «плюрализм» указывает на диверсификацию власти (в терминологии Роберта Даля – «открытая полиархия»), основывающуюся на множестве групп, являющихся одновременно независимыми и неисключительными, которые политический плюрализм преобразует в партии.

Но плюралистическое общество – это не только разнообразие политических мнений. Общество действительно плюралистично, прежде всего, когда и в какой степени оно располагает развитой системой разнообразных, хорошо организованных экономических, политических, профессиональных, социальных и всевозможных других групп, по определению пребывающих в сложных взаимоотношениях сотрудничества и соперничества.

Если рассматривать структурную конфигурацию плюрализма, то необходимо отметить, что простое фрагментирование общества не делает его плюралистическим. И плюрализм – это не только общество «множества сообществ». Плюрализм подразумевает, что эти сообщества должны быть добровольными (а не по праву рождения) и непривилегированными, т.е. открытыми для вступления большинства.

Плюрализм работает, если разграничения, разногласия, расхождения нейтрализуются и нивелируются за счет множественных принадлежностей различным сообществам, за счет повышения структурной связности общества. Если общество структурно разделяется на слабо связанные между собой группы, «наслаивающиеся» и усиливающие друг друга (например, группы, чья идентичность основана одновременно на этнических, религиозных и языковых характеристиках), то принципы плюрализма перестают работать [10,

с. 46]. В этом случае мир и социальное сосуществование будет обеспечиваться за счет консоциативных механизмов, которые используются в регионах с ярко выраженной социальной фрагментацией (Скандинавские страны, Нидерланды, Бельгия). Консоциативные политические системы предполагают существование правительства большой коалиции, предоставление автономия для различных сегментов общества, пропорциональную избирательную систему, вето меньшинства. Но социальный мир находится в опасности, когда «закрытые» сообщества становятся захватническими и агрессивными.

В какой степени плюрализм расширяет и разнообразит понятие общества? Или, иначе, что берут друг у друга плюрализм и общество? Как они соотносятся? Может ли выжить общество, если оно разбито на подобщества, которые оказываются в действительности антиобществами, отвергающими правила, на которых основывается коллективное сосуществование?

Может ли плюралистическое общество, как в США, служить в качестве модели для Европы при трансформации национальных государств в многонациональные? Нет, поскольку проблемы, решаемые в США, отличаются от тех, с которыми сталкивается Европа сегодня. Новый Свет – это мир «вновь прибывших», плавильный котел (рас и языков), который работал на протяжении более ста лет и в общей сложности для 100 млн иммигрантов, и работал блестяще. Тем не менее, если бы мультикультурализм существовал тогда, когда формировалась «американская нация», первая новая нация никогда не была бы рождена [7], и Соединенные Штаты сегодня, скорее всего, представляли бы общество балканского типа.

«Вновь приехавшие» в последнее время в Европу сделали это в совершенно других условиях, чем когда зарождалась американская нация. Соединенные Штаты не были рождены как нация, которая принимает и поглощает другие народы, – это образующая «нация национальностей». И наоборот, европейские государства образованы нациями, которые встречаются с противоборствующими нациями, со все более многочисленными потоками иммигрантов, которые отрицают их национальную идентичность. И

поэтому, американский прецедент не поможет Европе справиться с этой проблемой.

Спектр реакций к новоприбывшим разнообразен и сложен. Во многих случаях реакция в основном касается защиты рабочих мест и заработной платы. Это проблема обычно относится к иммигрантам из Восточной Европы. Затем идут случаи «ксеностраха», вызывающие ощущение незащищенности и потенциальной угрозы. Наконец, мы встречаемся с реакцией отторжения (ксенофобия). В частности, ксенофобия в Европе сегодня распространяется на африканских и исламских иммигрантов. Сартори справедливо замечает, что невозможно объяснить ксенофобию только неприятием расовых типов, поскольку в этническом плане азиаты и индусы отличаются от европейцев не меньше, чем африканцы, но, тем не менее, не вызывают реакции отторжения, даже там, где сейчас они многочисленны. Следует также отметить, что азиаты ассимилируются не в большей степени, чем африканцы. Отсюда Сартори делает вывод, что европейская ксенофобия, направленная на выходцев из стран Африки и Ближнего Востока, обусловлена исповедуемой ими религией – исламом. То есть, речь идет, прежде всего, о реакции культурно-религиозного отвержения.

Азиатская культура также очень далека от западной, но все-таки остается «светской» в том смысле, что она не характеризуется каким-либо фанатизмом или религиозной воинственностью, в отличие от исламской культуры. И даже тогда, когда фанатизм отсутствует, остается в силе теократичное видение исламского мира, не принимающего разделение церкви и государства, политики и религии, тогда как именно на этом разделении, закреплённом конституционно, основана западная цивилизация. Точно так же закон Корана не признает права человека в качестве индивидуальных, универсальных и нерушимых, являющихся еще одной фундаментальной основой либеральной цивилизации. Запад не видит исламский мир как «неверный». Но для исламского мира Запад является именно таковым.

В какой степени плюралистическая толерантность должна уступать не только «чужим культурам», но также открытым и агрессивным «вражески настроенным культурам»? Должен ли плюрализм признать

собственную несостоятельность, разрушение плюралистического общества? Существует граница, за которую плюрализм не может и не должен выходить. Эту границу определяет принцип взаимности или обоюдности, согласно которому получающий выгоду (приходящий), признаваемый в качестве выгодоприобретателя по отношению к принимающему, признает и свои обязанности. Плюрализм подразумевает совместное сосуществование в условиях компенсации, баланса. Вхождение в плюралистическое общество, это как одновременно приобретение и предоставление. Иностранцы, не желающие давать ничего взамен за то, что они получают, намеренные оставаться «чужими» для сообщества, в которое вступили, вплоть до отрицания, по крайней мере, частичного, его принципов, неизбежно провоцируют реакции отторжения, страха и враждебности. Должно ли и может ли существовать бесплатное гражданство, выданное в обмен на ничего? Очевидно, что нет. Гражданин, который «против», который является антигражданином, неприемлем. Таким образом, плюралистическое общество может быть открытым лишь до такой степени, при которой различия и неоднородность взаимно уважаются.

Мультикультурализм и расчлененное общество

Плюрализм и мультикультурность не являются по определению противоположными понятиями. Если под мультикультурализмом понимается фактическая ситуация, при которой просто фиксируется существование множества культур, то мультикультурализм не представляет никаких проблем для плюралистического мировоззрения. В этом случае мультикультурализм является лишь одним из возможных исторических конфигураций плюрализма. Но если мультикультурализм рассматривается как ценность, и ценность приоритетная, тогда ситуация меняется на противоположную, поскольку в этом случае плюрализм и мультикультурализм внезапно вступают в противоречие.

Плюрализм подразумевает по определению различие и разделение, но не исключает комунитаристских тенденций, и, следовательно, обеспечивает ту степень ассимиляции, которая необходима для создания интеграции.

Мультикультурализм в более ранней своей версии соответствует критериям плюрализма. Но в сегодняшней доминирующей версии мультикультурализма преобладает антиплюрализм. Термин *E Pluribus Unum* (из многих единое) обобщает позицию плюрализма. Термин *E Pluribus disiunctio* (из многих расчлененное) может или мог бы кратко отразить результаты мультикультурализма.

Американские либералы, защищающие мультикультурализм, говорят о политике признания. Но при этом забывают указать, что в плюралистическом контексте постулируется взаимное признание. Признание, которое получает взамен радикальное непризнание, антиплюралистично.

На сегодняшний день превалирует мультикультурализм, который, хотя и по-прежнему связывается с этническими признаками, однако носит отпечаток «культуры». Очевидно, что мультикультурализм как понятие, отражающее существование в мире огромного множества языков, культур и этнических групп (порядка пяти тысяч) сам по себе является настолько очевидным, что не нуждается в специальном определении. Таким образом, «мультикультурализм» является сегодня словом-носителем идеологии, идеологического проекта.

Ч. Тэйлор, основоположник теории мультикультурализма, исходит из того, что Запад, ныне доминирующий в мире, должен признать «культурное разнообразие» как в рамках своей цивилизации, так и за ее пределами. Основной тезис Ч. Тэйлора заключается в том, что «наша идентичность формируется за счет признания, неполного признания или непризнания другими» [12, с. 25], и поэтому требование признания со стороны меньшинства или «зависимых» носит неотложный характер. Отсюда делается вывод, что «непризнание может нанести ущерб, может быть формой притеснения, которое заставляет вести маргинальный образ жизни» [12, с. 25]. Однако, как подчеркивает Сартори, невозможно рассматривать непризнание как притеснение, поскольку притеснение, в серьезном и точном смысле этого слова, – это лишение свободы. Непризнание вызывает крушение планов, депрессию и несчастье, но это не дает права говорить о притеснении, поскольку депрессия – это не угне-

тение. В случае политики признания не существует никакой дискриминации, против которой нужно принимать контрмеры, наоборот вводятся ограничения, ее создающие. Идентичность, которая подвергается дискриминации, в конце концов, пытается покончить со своим непризнанием и утвердить свое превосходство. Что приводит к состоянию войны всех против всех.

Остается выяснить, как внезапно разница становится проблемой, даже проблемой проблем. Каждый человек уникален и всегда отличается от любого другого (внешность, здоровье, таланты, интересы и т.д.). И это также верно и для более крупных групп. Тогда возникает вопрос, почему какое-либо различие становится важным, почему именно это различие, а не какое-то другое, воспринимается как важное? Почему для политики признания выбраны только некоторые различия, и именно они?

Мультикультуралистами приводится объяснение, что приоритет должен быть отдан тому, кто в наибольшей степени подвергался дискриминации. Но с течением времени в круг притесняемых были включены не только национальные меньшинства, но и женщины, представители ЛГБТ-сообществ и даже больные СПИДом. Логическая причина зачастую уступает практическим соображениям – все чаще принимаются в расчет различия, привлекающие к себе внимание СМИ и общества, различия, которые можно использовать в свою пользу или которые могут повредить экономическим интересам или интересам на выборах.

Так называемая политика признания не ограничивается «признанием»; на самом деле, она порождает и умножает восприятие различий в умах. К этому следует добавить, что политика признания не только порождает возможные идентичности, но и обособляет их в гетто и замыкает самих в себе. А. Шлезингер [11] и М. Янг [14] выступают за идеал системы «изолированных» групп с одинаковыми полномочиями, которые не солидарны друг с другом, но признают право друг друга преследовать различные цели и вести различный образ жизни.

Вместе с тем политика признания подразумевает нарушение всеобщности и всеохватности закона, вводя секционные законы, пред-

усматривающие исключения и тем самым «неравное обращения», приводящее к дифференциации и разделению идентичностей. Но политически и юридически человек свободен только тогда, когда подчиняется обезличенным общим законам, это утверждал еще Цицерон, говоря, что «мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными».

Мультикультурализм утверждает, что «кроме индивидуальных прав человек должен воспользоваться преимуществами прав, получаемых в соответствии с его принадлежностью к культурному меньшинству» [6]. По мнению У. Кимлика [3, с. 435], меньшинства должны иметь особые права, чтобы защитить свою культуру, поскольку некоторые меньшинства по-прежнему чувствуют себя маргинализированными, несмотря на обладание общими гражданскими правами. В связи с этим они требуют новой формы гражданства – так называемого «дифференцированного гражданства» по определению М. Янг [15].

Принцип гражданства создает равных граждан, граждан, равных в своих правах и обязанностях. И, наоборот, без равноправных граждан не может существовать гражданства. Это означает, помимо всего прочего, что гражданство предполагает нейтралитет государства по отношению к культурной или этнической самобытности своего народа.

Права граждан являются таковыми потому, что они одни и те же для всех [9, с. 321–324]. Основным условием гражданства, которое учреждает «свободного гражданина», является одинаковая всеохватность. И наоборот, дифференцированное гражданство превращает одинаковую всеохватность в неравное разделение.

Иммиграция и интеграция

Человек, прибывающий из другой страны и являющийся гражданином другого государства, является иностранцем. Слово «иностранный» семантически связано со словом «странность». Т.е. иммигрант имеет в глазах принимающего общества, некие отличия, дополнительную или избыточную инаковость. Эту дополнительную

инаковость можно упрощенно разбить на четыре категории: 1) язык, 2) обычаи, 3) религия, 4) этнос. И первые две категории сильно отличаются от последних. Первые две из них могут быть переведены в разряд преодолимых «странностей» (если мы захотим их преодолеть); две последних, однако, относятся к абсолютным «странностям» [10, с. 108].

Иммиграционная политика подразумевает интеграцию, но интеграцию кого, как и зачем? В течение двух столетий Европа экспортировала эмигрантов, но не импортировала их. Эмиграция была связана с ускорением роста населения, а также с тем, что европейцам было предложено бесплатно уютное место в Новом Свете. Вместо этого, сегодня Европа импортирует иммигрантов, отчасти причиной иммиграции является разрыв в уровнях экономического и социального развития между Севером и Югом. Но причиной увеличения давления на Европу со стороны афро-арабского мира является не только одна бедность. Африка является бедной, очень бедной, и всегда была такой; Ближний Восток также уже давно является областью высокого уровня бедности (за исключением некоторых регионов). Таким образом, бедность является постоянной составляющей. Она усилилась в первую очередь из-за демографического взрыва. Переменной составляющей, с помощью которой лучше всего объяснить рост потока иммиграции, является перенаселение. И проблема не может быть решена, ни даже ослаблена, за счет приема большего числа иммигрантов.

Допустим, несмотря на протесты мультикультуралистов, что интеграция продолжает оставаться целью, но как ее достичь? Правительство предлагает единственный выход – превратить иммигрантов в граждан, т.е. предоставить гражданство. Идея заключается в том, что гражданство объединяет и, чтобы интегрироваться, достаточно получить гражданство. К сожалению, это не всегда правильно. Политика предоставления гражданства всем без оглядки – это не просто провал политики, а к тому же и политика, которая усугубляет и превращает во взрывоопасную проблему, которую необходимо решать [10, с. 110].

Интеграция, очевидно, зависит от того, кого интегрируют. И если иммигранты очень различны по своей природе, то для их интеграции не существует единственного рецепта. Обращаясь к приведенной ранее классификации, встает вопрос: возможно ли иммигрантов 3 или 4 типа, различающихся по религиозной или этнической принадлежности, интегрировать так же, как и иммигрантов 1 и 2 типа, говорящих на другом языке или имеющих иные обычаи? Нет, это невозможно. И эта невозможность увеличивается, если иммигрант принадлежит к фидеистской (утверждающей главенство веры над разумом) или теократической культуре, которая не разделяет светское и религиозное государство и идентифицирует гражданина с верующим. В западных странах человек является гражданином по происхождению, по *ius sanguinis* – по праву крови (как правило, в старых странах), или *ius soli* – по месту рождения (как правило, в новых странах, странах иммигрантов). Вместо этого, мусульманин признает гражданство *optimo iure* только по отношению к верующим, и это гражданство контекстуально связано с подчинением законам Корана.

В любом случае, дело заключается в том, что интеграция происходит только при условии, что тех, кто интегрируется, принимают и считают желательными, а те, в свою очередь, готовы интегрироваться. Гражданство, предоставляемое неинтегрируемым иммигрантам, приводит не к интеграции, а к дезинтеграции. Предоставить гражданство тому, кто пользуется личными преимуществами и правами, но не чувствует себя обязанным участвовать в их создании, означает создать дифференцированное гражданство, которое может «балканизировать» плюралистическое общество [10, с. 112].

В отличие от афроамериканцев США африканцы, высадившиеся в Италии и Франции, как правило, не являются христианами, их язык не является родным и этнокультурные различия несоизмеримо больше. Иммигранты, не являющихся выходцами из стран ЕС, в первую очередь интегрируются в этнические закрытые сети (для них и их детей) взаимной помощи и защиты. А потом, когда сообщество выходцев из стран третьего мира достигает критической массы, открывается перспектива – не без помощи мультикультура-

лизма, – начинающаяся от отстаивания прав на свою собственную культурно-религиозную идентичность и заканчивающаяся нападением на своих предполагаемых притеснителей (местных жителей).

Тезис в защиту проекта закона об иммиграции основан на том, что политика дискриминации и сегрегации питает социальную напряженность и бунты. Но их причиной редко являются те, кто въезжает в страну на законных основаниях. Они вызываются или усугубляются теми, кто проникает нелегально. К этому следует добавить, что незаконное проникновение не оздоравливается, в сущности, последующей легализацией.

Проблема чуждости возникает не только из-за культурных различий, которые являются связующим звеном между принимающим и приезжающим населением, но также из-за масштаба иммиграции. 10% иностранного населения представляет собой то количество, которое можно принять; 20% процентов – вероятно, нет; а 30% почти наверняка встретит сильное сопротивление. Сопротивление означает «расизм»? Но если это так, тогда вина за него ложится на тех, кто его создал.

Мультикультурализм и плюрализм

Плюрализм никогда не был «проектом». Он возник и развивался в ходе исторического процесса. И хотя это мировоззрение позитивно оценивает разнообразие, но оно не является «создателем разнообразия». Мультикультурализм – это проект в точном смысле этого слова, так как он предлагает новое общество и план его реализации. И в то же самое время мультикультурализм является искусственным создателем разнообразия, поскольку его задача заключается в том, чтобы сделать различие видимым и усилить его, и, таким образом, достичь его приумножения.

Мультикультурализм – это не продолжение и расширение плюрализма, а отрицающая его инверсия. Особенно в двух отношениях. Первое касается связи между плюрализмом, добровольными объединениями и группами «по принадлежности». Ш. Уолин подчеркивал, что плюрализм применяется к добровольным ассоциациям, принадлежность к которым не обязательна, а неоплюрализм (мультикультурализм) – к вынужденным объединениям, особенно по по-

ловым и расовым признакам, который нас обязывают, поскольку мы родились в них и мы с ними связаны [13].

Но дело не только в том, что плюрализм относится к добровольным объединениям, он способствует их возникновению и делает свободными. И наоборот, не все идентичности, о которых беспокоится мультикультурализм, являются «вынужденными». Это правда, что мы родились в рамках этих идентичностей, но неверно то, что мы навсегда с ними связаны. Например, мы может стать билингвами (и, следовательно, ничего не потерять и даже обогатиться). Мы также можем даже, если захотим, сменить религию, в которой родились. В свободном обществе – свободный выбор.

Плюрализм «освобождает» добровольные объединения, одновременно он освобождает или может освободить нас от так называемых вынужденных принадлежностей, принадлежностей от рождения. До той степени, до которой мы захотим. И разница, разделительная линия между плюрализмом и мультикультурализмом, состоит в том, что последний не предусматривает этого.

Плюрализм за счет организации многосвязного общества не укрепляет, а ослабляет идентичности, с которыми встречается, тогда как мультикультурализм создает «усиленные идентичности»; усиленные именно по совпадению и по перекрытию, например, языка, религии, этнической принадлежности и идеологии. Плюрализм проявляется в виде открытого общества, значительно обогащенного принадлежностями к различным сообществам, в то время как мультикультурализм означает расчленение плюралистического сообщества на закрытые однородные подгруппы [10, с. 33].

С любой точки зрения мультикультурализм рассматривается как исторический разрыв с гораздо более серьезными последствиями, чем кажется его приверженцам. На протяжении тысячелетий политические образования видели во внутреннем разделении угрозу для собственного выживания и стремились к уничтожению инакомыслия и разнообразия, в особенности религиозного. На протяжении века западная цивилизация живет в свободном пространстве, основанном на согласовании разногласий [10, с. 18]. Но это свободное пространство

остается таким именно потому, что эти два элемента сбалансированы и уравнивают друг друга. В то время как мультикультуралисты создают структурный дисбаланс, который заставляет перейти от согласования разногласий к «разногласиям без согласования».

Другой парадокс заключается в том, что проблема встает с ног на голову при переносе практики мультикультурализма из Северной Америки в Европу. В Новом Свете (США и Канада) речь идет о признании идентичности внутренних меньшинств; в Европе проблема, наоборот, состоит в том, чтобы сохранить идентичность национального государства при наличии внешней культурной угрозы, исходящей от прибытия очень отличающихся культур. В США сохранились те идентичности, которые притушились, пройдя через плавильный котел. В Европе, если идентичность приезжающих останется неизменной, то это может привести к утрате идентичности принимающей стороны, и те идентичности, которые сохраняются, будут или могут стать хозяевами.

Чрезмерная «идентичность» меньшинств может политизироваться и мобилизовываться в собственных интересах. Когда мультикультурализм касается меньшинств, культурно находящихся вне рамок западной цивилизации, есть опасность инициировать «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону, но уже в рамках самих западных государств.

Список литературы

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М.: Издательство Перо, 2012. 408 с.
2. Кенан М. Крах мультикультурализма. Общины против общества в Европе // Foreign Affairs. 2015. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Krakh-multikulturalizma-17450> (дата обращения: 03.05.2017).
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / Пер. Садовский В.Н. и др. М: Международный фонд «Культурная инициатива». Soros Foundation (USA), 2009. 333 с.

5. Хенкин С.М. Мультикультурализм в испанской политике: дискуссии и линии размежевания // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 140–165. URL: <http://mognovse.ru/qho-aktualenie-problemi-evropi-20114-s-140-165-muletikuletural.html> (дата обращения: 03.05.2017).
6. Gianni M. Cittadinanza Differenziata e Integrazione Multiculturale // Rivista Italiana di Scienza Politica. 1997. № 3, pp. 495–518.
7. Lipset S. M. The First New Nation, New York: Basic Books, 1963. 366 p.
8. Lucas J.R. The Principles of Politics, Oxford: Clarendon Press, 1985. 396 p.
9. Sartori G. Que es la democracia? Madrid: Taurus, 2001. 483 p.
10. Sartori G. La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo y extranjeros. Madrid: Taurus, 2001. 133 p.
11. Schlesinger A. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: Norton, 1992. 160 p.
12. Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992. 59 p.
13. Wolin S. Democracy, Difference and Re-cognition // Political Theory. 1993. vol. 21. №3, pp. 464–483. URL: <http://www.jstor.org/stable/191799> (дата обращения: 24.04.2017).
14. Young M.I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.
15. Young M.I. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship // Ethics. 1989. Vol. 99. № 2, pp. 250–274.

References

1. Bentli A. *Protsess gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshchestvennykh davleniy* [Process of Government. A Study of Social Pressures]. M.: Izdatel'stvo Pero, 2012. 408 p.
2. Kenan M. *Foreign Affairs*, no 2 (2015). <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism> (accessed 03.05.2017).
3. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Contemporary Political Philosophy: An Introduction]. M.: Izd. Dom Gos. Unta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010. 592 p.
4. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. M: Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa». Soros Foundation (USA), 2009. 333 p.

5. Khenkin S.M. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], no 4 (2011): 140–165. <http://mognovse.ru/qho-aktualenie-problemi-evropi-20114-s-140-165-muletikuleturnal.html> (accessed 03.05.2017).
6. Gianni M. *Rivista Italiana di Scienza Politica*, no 3 (1997): 495–518.
7. Lipset S. M. *The First New Nation*. New York: Basic Books, 1963, 366 p.
8. Lucas J.R. *The Principles of Politics*, Oxford: Clarendon Press, 1985. 396 p.
9. Sartori G. *Que es la democracia?* Madrid: Taurus, 2001. 483 p.
10. Sartori G. *La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo y extranjeros*. Madrid: Taurus, 2001. 133 p.
11. Schlesinger A. *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*. New York: Norton, 1992. 160 p.
12. Taylor C. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 59 p.
13. Wolin S. *Political Theory*. vol. 21, no 3 (1993): 464–483. <http://www.jstor.org/stable/191799> (accessed 24.04.2017)
14. Young M.I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.
15. Young M.I. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship. *Ethics*. Vol. 99, no 2 (1989): 250–274.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Алексеев Дмитрий Владиславович, аспирант кафедры арабистики и африканистики
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, г. Москва, 117198, Российская Федерация
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alekseev Dmitry Vladislavovich, Postgraduate Student of the Department of Arabic and African Studies
People's Friendship University of Russia
10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1371-9172